

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81 (075.8)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «СВЯТОСТЬ» В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «ПЛЕТЕНИЮ СЛОВЕС», И В РУКОПИСНОМ ПРОЛОГЕ XVI ВЕКА

© 2011 г.

И.Ю. Абрамова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

irabra@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.04.2011

Анализируются средства выражения концепта «святость» как ключевого понятия духовности в агиографических текстах, относящихся к «плетению словес», и в кратких житиях, входящих в рукописный Пролог XVI в.

Ключевые слова: концепт, жанр жития, «плетение словес», изоморфизм выражения, Пролог.

Термин «концепт», широко употребляемый и литературоведами, и лингвистами, не имеет однозначного определения и вызывает множество споров. Вслед за В.А. Кухаренко [1] мы под концептом будем понимать основную идею произведения, выраженную языковыми средствами. Таким образом, концепт является одной из основных текстовых категорий: каким бы образом ни строилось художественное произведение, автор всегда подчиняет это построение выражению главной мысли, идеи.

В данной работе нами будет рассмотрен вопрос о выражении концепта «святость» – одного из основных идей житийной литературы.

Святость является фундаментальным концептом христианства, заключающимся в причастности человека Богу через состояние обожженности, целостного преображения под действием благодати Божьей. «Христиане, духовно следуя за Христом, соучаствуют в его Божестве по благодати и становятся святыми» [2, с. 90–99]. «Во время причастия вечность преображенного бытия (Царствия Небесного, пакибытия) реально присутствует во временном бытии, в земной жизни церковной общины. Вхождение верующих в вечность, в пакибытие, подготовленное их очищением, и образует их святость. Святость, таким образом, есть принадлежность к вечной жизни, причастность Божеству, предвосхищение в этом бытии грядущего пакибытия» [2, с. 92–93].

Жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту – светском и церковном. В этом их отличие от жанров новой литературы, образующихся и развивающихся прежде всего под влиянием внутренних законов литературы и литературных требований. Жанр в литературе Древней Руси – явление не только литературное, но и внелитературное. Вопрос о жанровых различиях усложняется фактом использования литературных произведений в сфере церковной, политической и бытовой жизни. Житие Святого изначально имеет не литературное назначение. Оно входит в состав церковной службы, является важным элементом в процессе канонизации. В увековечении памяти святых древнерусская литература создала непрерывность традиции. Формы существования данного символа святости – социальное житие и духовная жизнь, форма явленности – лик (образ) [3, с. 170]. Личность Святого амбивалентна в своем явлении: это одновременно идея святости и конкретное дело, лик и физическое лицо.

Житие – словесная икона святого, в центре которой – иконический образ подвижника. Достижение подобия Божия является доминантой агиографического текста, организующей всю жизнь святого. Житийная литература призвана реализовать христианские догматы в области практического богословия, нравственной культуры человека. Житийный текст должен одновременно восхитить читателя личностью и по-

вседневным подвигом святого и перевести его в деятельно-практическую сферу, заставить подражать земной жизни подвижника.

Исследование проводится нами на жанрово-стилистическом уровне текста. Непосредственными источниками материала выбраны «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского», с одной стороны, и Пролог XV в. – с другой. Два первых текста, принадлежащих перу Епифания Премудрого, написаны в рамках «плетения словес» и ярко отражают его значимые признаки. Пролог XVI в., сборник кратких житий святых и других текстов поучительного содержания, – один из интереснейших и распространенных на Руси памятников. Все тексты написаны в период «второго южнославянского влияния». Если считать «плетение словес» стилем данной эпохи, то любой текст, лежащий в рамках так называемого книжно-славянского типа русского литературного языка, должен подчиняться, с точки зрения структуры в первую очередь, его правилам, поскольку именно стиль предопределяет жанровое своеобразие произведения.

Основная идея повествования «Жития Стефана Пермского» – познание и изображение святого, а через это познание и изображение его богоподобности. «Зачало» является связующим звеном всего Жития. «Зачало» представляет схематичное отображение всего комплекса черт святого, приближающего его к Богу: чистота и смирение в детстве, любовь к книгам в отрочестве и юности, труд телесный и духовный на всем протяжении жизни.

Напрашивается вывод: если бы в тексте Жития было только Зачало, этого было бы достаточно для понимания всего текста, так как в нем не только были бы отражены все этапы жизни святого Стефана, но и прослеживалась бы основная идея повествования – избранность Стефана Пермского, его «духовно благодатное возрастание» [4, с. 11]. Но при подробном исследовании становится ясным, что дальнейшее повествование имеет особую смысловую нагрузку: в последующих главах описывается и конкретизируется с помощью разнообразных повторов (однокоренных слов, синонимов, тавтологических сочетаний – на лексическом уровне и синтаксического параллелизма – на синтаксическом уровне языка), сочетающихся между собой и замысловато переплетающихся, какают из сторон святости Стефана. Боязнь конечно-го определения святого, конечной формы этого определения, отмечаемая многими учеными [3, 5, 6] на уровне лексики, прослеживается в «плетении словес» и на уровне построения

предложений, и на уровне построения текста в целом.

Основным подвигом Святого Стефана Пермского является важное богоугодное дело Стефана – сложение пермской грамоты и национального пермского богослужения на их родном языке. В.Н. Топоров отмечает, что особенностью этого деяния было то, что Стефан, создавая азбуку, «смирил себя и свое национальное сознание перед национальной идеей другого... народа» [4, с. 124] – он не стал переводить религиозные книги на русский язык, но создал для этого национальную пермскую церковь с зырянским богослужением и письменностью. Эта идея становится ключевой в главе «О азбуке пермской» и связывает ее со всем предыдущим повествованием: «острота ума» и вера в Бога стали теми «опорными» силами, которые помогли Стефану в деле создания «пермской грамоты». Описывая эту добродетель, автор использует риторическую вариацию на тему одного и того же слова, демонстрируя чрезвычайное внимание к нюансам смысла и оттенкам его звуковой стороны. Восходит этот прием к античному приему «Горгиевой схемы» [7].

...Коль много летъ мнози философи еллински събирали и составляли грамоту греческую и едва уставили мнозехи труды и многими времени едва сложили/ пермскую же грамоту единъ чрънецъ сложилъ /единъ составилъ/ единъ счинилъ /единъ калогерь /единъ мнихъ/ единъ инокъ/.../единъ въ едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они /но единъ инокъ /единъ въединены и уединяся/.../И сице единъ инокъ, къ единому богу помоляся, и азбуку сложилъ, и грамоту сотворилъ, и книги перевелъ в малыхъ летехъ/.../а они мнози философи, многими леты, седьмъ философъ, едва азбуку уставили...¹ (ЖСП, с. 186)

Этот отрывок текста начинается с общей темы – многие эллинские философы «много лет» составляли греческую грамоту. «Вершинным» же предложением в отрывке является противопоставленное первому двусоставное полное предложение «... Пермскую же грамоту единъ чрънецъ сложилъ». Эта тема и развивается в последующих простых предложениях. Вариация на тему «един» в данном периоде выполняет две функции: во-первых, тавтологический повтор позволяет автору подчеркнуть силу веры святого, позволяющей ему одному «въединены и уединяся» совершить подвиг, равный подвигу равноапостольных Кирилла и Мефодия, во-вторых, подчеркнуть превосходство единобожия над многобожием, утвердить в сознании читателя превосходство христианской идеи над

языческой. Обе эти функции способствуют усилению ключевой идеи повествования о Святом.

Особенно важна для понимания основной идеи текста – идеи святости Стефана – последняя глава Жития «Плачь и похвала инока спящая», которая состоит из нескольких периодов. Особенно важным является один из таких периодов, начинающийся со слов: «Тем же, что ты нареку: пророка ли, яко пророческия проречения протолковал еси и гадания пророк уяснил еси...» [с. 193]. Период построен на основе явления однородности, причем однородные члены являются в формальном отношении синонимами, что приводит к крайней степени абстрагирования текста. Перечисляя все известные ему виды христианских подвигов, приближающих человека к Богу, автор последовательно «примеряет» на Стефана каждый из них: «законодавца», «законоположника», «крестителя», «проповедника», «евангелиста», «святителя», «учителя», «страстотерпца», «отца», «исповедника» – и, понимая, что Стефан достоин всех из вышеперечисленных уподоблений, останавливается все же на единственно верной характеристике своего героя: «грамоте пермской писателя».

Таким образом, мы можем говорить об изоморфизме выражения концепта «святость» в «Житии Стефана Пермского». Отмеченный нами изоморфизм, опирающийся на однородность, для Епифания является основополагающим принципом построения жития как жанра. Мысль о цикличности, повторяемости событий выражена посредством повторяемости элементов трех уровней: на уровне лексики – это синонимия и связанная с ней полиномия, на уровне синтаксиса – это однородность членов предложения и изоколия, на уровне построения текстов – постоянный возврат к одной и той же теме, центральной идее Жития.

Изображая Святого, Епифаний Премудрый пытается, следуя ближневосточной эстетике, вызвать у читателя целостное впечатление о нем. По мнению Е.М. Верещагина, он, как и ближневосточные писатели, «не называет явления, действия или своего намерения абстрактным словом, а представляет их через перечисление частных случаев» [8, с. 241]. При этом он прибегает к так называемому приему *суггестии*. Суггестия опирается на прием *изоколии*, используемый и в современной литературе. Е.М. Верещагин определяет *изоколию* как прием «настойчивого повторения одной и той же синтаксической конструкции» [8, с. 241], считая его частным случаем *параллелизма*, встречающегося и в Псалтыри [9–11]. Периоды текста,

основанные на использовании данного приема, построены при помощи «технических» средств, в качестве которых используются «гомеарктеоны (единоначатия и единоокончания) изоколонов» [8, с. 241]. О подобном приеме, но применительно уже к ранневизантийской литературе, говорит С.С. Аверинцев [7]. Рифмоидные созвучия в практике античной и византийской риторики он называет *гомеотелевтами* [7, с. 235, 236, 238–243, 247, 248].

Подобные примеры мы находим в «Житии Сергия Радонежского»: *смиранныи и добронравыи, приветливый и благоуветливый, утешительный, сладкогласный и благоподатливый, смиреномудрый и целомудренный, благовеинный и нищелюбивый, страннолюбивый и миролюбивый, и боголюбный* [с. 278].

Общая идея фрагмента – показать, что Святой Сергий был полон добродетелей, но сообщается об этом через их конкретное перечисление. Таким образом, на первый план выдвигается не конкретный подвиг Святого, а идея святости как таковая. Немаловажную роль в переосмыслении приемов изображения Святого сыграли «второе южнославянское влияние» и связанная с ним философия исихастов. «Плетение словес» можно назвать способом экспликации эстетики ближневосточной литературы и идей исихастов. Именно поэтому казалось бы традиционные византийские и раннехристианские изобразительные приемы приобретают в «плетении словес» новый смысл.

Принцип построения образа Святого, способ его изображения в исследуемом Прологе, как и в целом в жанре Пролога, совершенно иной, чем в текстах «плетения словес», что связано с разными установками авторов. Автор Проложного Жития ставит задачу создать текст, максимально удобный для применения его в церковной службе, текст, который имеет чисто информативный характер. Основная установка при этом – показать, за какие стороны жизненного подвига герой Жития был причислен к лику святых. На наш взгляд, в данном случае несколько нивелируется основная идея создания Жития, суть которой – посредством изображения земной жизни Святого указать читателю на проявление в профанном мире сакрального смысла. Основной же задачей автора полного агиографического сочинения становится не изображение Святого как личности, но изображение его как избранника Бога, как носителя идеи святости. Главная задача – назидание: в святости залог грядущего спасения каждого – и читателя, и самого составителя Жития.

Отсюда, на наш взгляд, и различные приемы изображения Святого. В исследуемом Прологе автор пытается, следуя традиции, доказать мысль о святости логическим путем, путем перечисления конкретных действий героя Жития, его страданий за Христа на пути к святости. Например, такой способ изображения Святого мы встречаем в «Памяти Преподобного отца нашего Феодосия игумена»: *Феодосий преподобный отец наш от млад ноготь Христа возлюбивъ. И по заповедемъ поживъ и кротость на раму вземъ и по нем иде и прочая лета своя в пещерахъ и в горахъ и во пропастьхъ земныхъ пребывающе постомъ и молитвою и прочими устроении добрыми. И за многую добродетель его великими чудотворными дарами прослави и богъ яко ж миро многоценно и кадилоприятно къ богу принесенъ и с миромъ почи и причтенъ быс к лику праведныхъ и въ веки радуяся* (л. 564(19)-564 об. (20)).

Таким образом, исследование показало, что новое отношение к человеку, проявившееся в литературе и искусстве XIV–XV вв., приводит к тому, что на месте достаточно «схематизированного», типичного образа Святого, представленного в ранней агиографии, появляется образ Святого с яркими индивидуальными чертами. Исихастское недоверие и внимательнейшее отношение к слову, порожденное боязнью невозможности выразить им Божественную Сущность, соединенное с ближневосточной эстетикой, приводит к отказу от конечного определения святого. Это находит свое отражение в «плетении словес» и на уровне лексики, и на уровне синтаксиса: в текстах «плетения словес» наблюдается изоморфизм выражения идеи святости.

Пролог XVI в. отражает следование традиции, сложившейся в написании произведений подобного жанра. В кратких житиях, входящих в исследуемый Пролог, идея святости несколько нивелируется, стирается, в частности, назидательный аспект изображения святого. Это

может быть связано с прагматической целью создания проложного жития – с чтением Жития во время церковной службы.

Примечание

1. Цитируется по изданию: Повесть о Стефане, епископе Пермском // Древнерусские предания XI–XVI вв. М., 1982; Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981; Пролог XVI в. // ФБ ННГУ. Собрание рукописных книг. № 933757. Пролог за март-август. Рукопись. Конволют: втор. Пол. Кон. XVI в.; нач. 30-х гг. XVII в. 559 л. 2.

Список литературы

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
2. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
3. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
4. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.
5. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния. М., 1958.
6. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001.
7. Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
8. Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
9. Верещагин Е.М. Прием параллелизма в Псалтири и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян // Советское славяноведение. 1975. № 2.
10. Верещагин Е.М. Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики «цепочки» // Советское славяноведение. 1978. № 1.
11. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

MEANS FOR EXPRESSION OF THE CONCEPT «SANCTITY» IN HAGIOGRAPHICAL TEXTS RELATING TO «WORD-WEAVING» AND IN THE 16th – CENTURY HANDWRITTEN PROLOGUE

I.Yu. Abramova

The article is focused on the analysis of means for expression of the concept «sanctity» as a key concept of spirituality in hagiographical texts relating to «word-weaving» and in brief hagiography making part of the 16th – century handwritten Prologue.

Keywords: concept, hagiographical genre, «word-weaving», isomorphism of expression, Prologue.